

ционными волнами мы должны напрячь все свои силы, чтобы создать такие художественные произведения, которые своим насквозь революционным и человечески потрясающим содержанием оказывали бы особенно широкое и глубоко проникающее воздействие.

Большинство неизданных стихотворений Ганса Фогтса должны быть также отнесены к тому немногому, что заставляет нас верить в продолжающуюся жизнь немецкой лирики. Фогтс еще нередко делает типично-экспрессионистическую ошибку: он переигрывает. Он нагромождает, подчеркивает, бросает форте и фортиссимо — и в результате: груды сравнений и усилений взаимно уничтожаются. Слишком много треска, подобного раскатам надвигающейся грозы, все сливается и нет возможности что-либо расслышать. Ганс Фогтс — здоровый, нормальный человек из плоти и крови. Он смотрит на все без предвзятости, и он еще научится оттачивать, синтезировать. У него есть мировоззрение. Он не живет только сегодняшним днем, не перескакивает от восторгов к восторгам и не питается призраками. Я знаю его стихи: в них простой человек высказывается в простых словах. Разве удивительно, что такой человек пришел к рабочему классу? Всякий, у кого глаза открыты и сердце не совсем еще очерствело, должен идти по этому пути.

В рядах революционного пролетариата есть еще необычайно одаренный Э м и л ь Г и н к е л ь. Кто слышал его около года тому назад на вечере в «Союзе революционно-пролетарских писателей», тот не скоро его забудет. Гинкель топал ногами и жестикулировал — все его тело сотрясалось от его стихов, стихи рвались из комнаты наружу, безудержные, отрывистые и бешеные. Такой темп, такую веру в свое дело я до этого времени видел только у советских поэтов. Гинкель не липнет к рукописи, а читает почти свободно (свободная декламация лирических произведений в Советской России является чем-то само собою разумеющимся). Каждое слово этого человека встряхивает, зовет к борьбе, сначала поэт как бы проклиная в полусне, потом приподымаются веки, наступает полное пробуждение, раздается команда, и вот — марш вперед! Гинкель пишет длинные стихи. В его стихах много фактов, в них много людей и много событий. Его творчество еще и теперь нередко внушает опасение своей неравномерностью. Нужно терпение для того, чтобы его одолеть. Но время этого поэта приходит. Скрежеща зубами, он добьется своего (сборник его избранных стихов печатается в Internationalen Arbeiterverlag).

В заключение несколько слов о сборнике рабочей поэзии, который недавно под

заглавием «На подъеме» выпущен одним из дрезденских социал-демократических издательств. Уже внешне этот сборник производит впечатление архаическое. Содержание его, насколько оно затрагивает современность, дает приблизительную картину состояния поэзии в 1919—1923 годах, да и то носит совершенно случайный и произвольный характер. На большее ее не хватило. Советскую поэзию сборник обходит молчанием, — вместо нее притащили весь мусор поэзии «нищеты и жалости» XIX века. Совершенно непонятно, по какому принципу составлялся этот сборник (кстати замечу, что данные о лицах и книгах не отличаются точностью, а текст стихов без ведома автора искажен и изменен). Издательница Анна Зимсен составляла книгу так беспечно и небрежно, очевидно по «принципу» — для рабочих и так хорошо. Жаль, что из-за этой непонятной небрежности издателя этот сборник утратил всякое значение, ибо издание всемирной антологии рабочих поэтов действительно и необходимо.

Иоганнес Р. Бехер

Берлин

ЛИТЕРАТУРА В СОВРЕМЕННОЙ ЮГО-СЛАВИИ

По окончании мировой войны осуществилось почти полностью стремление сербов к объединению. Были созданы соответствующие внешние формы; однако очень скоро обнаружилось, насколько различны были те культурные пути, по которым шли объединившиеся братья. Замкнутые в себе кроаты, сильно привязанные к своим старым традициям, были во время австрийского владычества оторваны от жизни Сербии и оказались под двойным влиянием: германским и итальянским. Сербы же, в течение веков бывшие под игом турок, восприняли турецкую культуру. Таким образом с самого начала резко определились два различных — не только политических, но и культурных — центра: Загреб и Белград. Потребуется немало времени, пока сгладятся все противоречия, вызванные коренным несходством развития. Правда, уже все больше и больше ощущается влияние одного преобладающего центра: образование югославского государства вытеснило итало-германское влияние в пользу национального направления.

В современной юго-славской литературе можно различить три периода. Примерно до 1900 года литература была романтического направления и находилась под немецким влиянием; к этому направлению принадлежит известный кроатский романист Ж е н о а. Затем под французским и итальянским влиянием распространился

эстетизм и формализм. Войнович и Бегович заимствовали свою манеру писать у д'Аннунцио. С 1914 года намечаются все европейские течения: экспрессионизм, дадаизм, футуризм, сверхреализм. Кроаты тяготеют больше к немцам, сербы же — к французам. Нет почти писателей с пролетарской идеологией. Начатки ее видны в рабочей печати, как например «Борьба» в Загребе и др.

Отзвуком романтической школы и переходом к эстетизму является творчество кроатского писателя Бабича, писавшего под псевдонимом Ксавер Шандор Дальский. Он — мистик и ученик Женоа, заимствующий свой материал у древнекроатского дворянства и из истории «курий». Главные произведения его: «На родной груди» и «Dilem d'om a».

Драматург Войнович. Он черпает свой материал из истории Рагузы. Его драмы, как «Равноденствие» и «Трилогия Дубровацка», многократно переводились на другие языки. В последней драме он описывает гибель рагузской республики. Первая часть драмы «Allons, enfants» разыгрывается во время Наполеона, когда была потеряна свобода, вторую часть «Сумерки» он переносит в тридцатые годы XIX столетия, в годы упадка древнепатрицианских поколений. В третьей части «Nataza» он изображает начало борьбы между сербами и кроатами в девяностых годах.

Другой писатель, Бегович, работавший долгое время в Гамбурге, проявил себя вначале как лирик, а впоследствии как драматург. Его первые лирические стихотворения «Зое Боккадоро» появились под псевдонимом Ксересдела Маракса. В последнее время о нем часто упоминалось в связи с его прекрасной переделкой в драму известного романа Женоа «Диоген»; драма эта была недавно поставлена впервые в Загребе.

Символическая лирика отмечается в произведениях кроата Назора, воспевающего мифологию славянской древности, как например в «Живана».

Кроме него следует упомянуть еще о сербе Леован Дучич, о Богдане Поповиче и о Пандуровиче, югославском переводчике Шекспира.

Самые молодые — под сильным влиянием Парижа. Среди них встречаются представители всех направлений. Манойлович, сербский лирический поэт, объединяет старое течение с современным. Он художественно образован и большой поклонник итальянской культуры. Им переведены Пиранделло и Никодемо. Один из продуктивнейших писателей — Зибемилличич, черпающий темы для своих

стихов и новелл из далматской жизни. В печати появились уже пять собраний его стихотворений и несколько новелл; среди них «Книга радости» в двух частях («Сияние дня» и «Сон под звездным небом») и «Пинии и оливы». Из Воеводины происходит Кржанский, показавший своими произведениями об Альбрехте Дюрере и об итальянском искусстве сильно развитое художественное чутье. Словенец Жупанчич выступил как лирик; им переведен Шекспир на словацкий язык.

Последнее собрание стихов сербского поэта Дрейнаца «Бандит и поэт» показывает живой темперамент. За ним следует молодая талантливая поэтесса Дезанка Максимович. Собрание стихов «Жалоба рабов» и другие произведения Уевича, затрагивающие социальные и политические темы, обнаруживают поэта культурного и чуткого.

К молодым следует еще причислить Дединаца, Ристича, Вуко и лирика Крклича.

Под влиянием пролетарских писателей Запада находятся Цесариц и Крлежа, во многом напоминающий Барбюсса. Крлежа своей драмой «Кальвария» показал себя выдающимся драматургом Юго-Славии, не только нашедшим новые литературные пути, но и сумевшим оказать на читателей значительное политическое воздействие. Цесариц стал известен благодаря своему роману «Царева-Кралева». Крлежа является вождем «Движения литературной революции», возникшего в Загребе в унисон с германским экспрессионизмом. До 1927 года издавался под его ответственностью «Книжевна республика», журнал с крайней левой ориентацией. Однако главным образом он писал драмы. Его последняя драма «Глембаевы» — история австрийской дворянской генеральской семьи, не сумевшей освоиться с условиями современной жизни. О своем путешествии в СССР, который он недавно посетил, он рассказал в книге «Впечатления о России».

В Загребе и Белграде издаются литературные журналы без специального направления: в Загребе «Современник», «Хорватское обозрение», «Критика» и «Виенац», кроме того католический литературный журнал «Хорватская проза»; в Белграде журналы «Мизао» и «Сербский Книжевник Гласник». «Мизао» имеет свой круг сотрудников, среди них упомянутый уже Пандурович. «Мизао» — богатый литературным содержанием журнал, вступающий однако против экстравагантностей и увлечения только формой. «Сербский Книжевник Гласник» — самый лучший юго-славский журнал. Он основан выдающимся сербским литературным критиком Скерличем. В прежнее

время в журнале печаталась лишь старая школа, теперь же он предоставляет свои страницы всем направлениям. В самое последнее время Би х а р и основал в Белграде издательство «Нолит», предполагающее издавать молодую европейскую литературу.

Р. Кальтоффен.

Загреб

МЕЩАНСКАЯ СЕНСАЦИЯ

(«Завоеватели» — Андрэ Мальро)

«Завоеватели»¹ молодого писателя Андрэ Мальро — один из романов, о котором больше всего говорили во второй половине 1928 г. Он печатался сначала в журнале *La Nouvelle Revue Française*, потом вышел отдельным изданием в издательстве Grasset. Критика сразу же встретила его более чем восторженно. По адресу писателя посыпался град комплиментов. Его объявили наиболее умным (spirituel) и талантливым из молодых романистов, а Эдмонд Жалу, известный критик и писатель, в своем очередном фельетоне, разбирая только что увенчанные премиями Гонкур романы «Фемина» и «Теофрасто Ренодо», выражает удивление, граничащее с возмущением по поводу того, что ни один из членов жюри не догадался присудить премию наиболее выдающемуся, по мнению Жалу, роману 1928 года — «Завоевателям» Андрэ Мальро.

Роман Мальро действительно представляет из себя в некоторых отношениях исключительный интерес. Автор затрагивает ряд особенно волнующих нашу современность социальных проблем. Уже одно это заставляет обращать на «Завоевателей» особое внимание как на явление до некоторой степени исключительное, так как в современной французской литературе громадное большинство романов на все лады разбирает интимную, точнее любовную, жизнь человека, и только очень немногие целиком посвящаются обрисовке социальной жизни. Роман Мальро посвящен описанию китайской революции в период самой напряженной борьбы революционной армии за обладание Гонк-Конгом. Тема романа, как видит читатель, чрезвычайно грандиозна, актуальна, захватывающа. Однако ни грандиозности, ни актуальности в ней не осталось после того, как она подверглась обработке Андрэ Мальро — и не потому, что у автора нехватило таланта: Мальро вполне владеет французским литературным стилем, описания его часто смелы и красочны, и обратись он к традиционному французскому анализу трагической или счастливой люб-

ви, он бы по всей вероятности сумел дать произведение не лишенное крупных литературных достоинств. С грандиозной темой китайской революции он не справился. В романе Мальро нет и следа массового движения. Вся революция передается в переживаниях немногочисленных героев, вождей революционного движения, по Мальро. Герои эти частью взяты из действительности, частью «сочинены» автором. К последним относится главный герой романа, Гарин. Его фигура и является центральной фигурой повествования, наиболее ярко и полно очерченной. Остальные фигуры эпизодичны и часто бледны. Совершенно нелепо обрисован Бородин, которому все время противопоставляется Гарин. В рассуждениях и переживаниях Гарина и заключается главным образом описание революции. Его образ, по замыслу автора, как в фокусе, должен собрать всю идеологическую сущность китайского движения. Таким образом, разобрав этот образ, мы вскроем и всю сущность романа.

Гарин — сын русской и швейцарца, человек неопределенного социального положения. Его прошлое довольно туманно. Автор намекает, что он судился за довольно неблагоприятный проступок, который он совершил исключительно из-за своих анархических убеждений. То, что он анархист, однако нисколько не мешает ему быть, с любезного разрешения автора, делегатом от Коминтерна в Кантоне, где он даже заведует отделом пропаганды. Он изобретает какую-то новую пропаганду — националистическую. Автор совершенно не объясняет, в чем заключается эта пропаганда, но подчеркивает, что она оказалась гораздо действеннее классово-коммунистической пропаганды Бородина. Однако можно не без основания предполагать, что пропаганда Гарина так же далека от революционности, как далека от революционера ее изобретатель. В самом деле, что общего с революционером имеет герой, которого сам автор характеризует следующими словами: «Он не требовал от власти ничего — ни денег, ни почета, ни уважения, ничего, кроме нее самой... Он начал смотреть на властвование в конце концов как на своего рода облегчение и освобождение...» Пусть читатель не подумает, что освобождение народных масс. Ничего подобного: освобождение своей личности. Для Гарина власть есть проявление своей индивидуалистической воли, воплощение своего личного произвола. Власть как таковая, сам процесс властвования независимо от результатов, которые это властвование повлечет, — вот стихия Гарина. Он нисколько не скрывает этого. Более того, он сам говорит: «Моя деятельность (mon action) делает меня без-

¹ «Les Conquistadors» par André Malraux.